

Репертуар — лицо театра

ПРОШЛО время, когда списки пьес, размещенные в сценических вивемпльорах, рассылались по театрам страны, когда интересы театральных коллективов, их творческие лица, их томи в искусстве определяли не они сами, а различные инстанции и подлинстания. Сегодня театры сами выбирают свою репертуарную линию, сами строят свои взаимоотношения с драматургами, сами преодолевают трудности и празднуют победы.

Театры получают творческую самостоятельность. Эта самостоятельность прежде всего означает, что они обязаны постоянно помнить о воспитательных задачах искусства, что их работа должна отвечать требованиям совершенного художественного вкуса, высокой идейности и подлинной правды жизни.

Понимать творческую самостоятельность иначе — значит сидеть не только боевые позиции, завоеванные советским театром, но и отшатываться от боевого наследия русского реализма. Лучшее представление нашего театра всегда боролось за глубокое содержание, правду характеров, за истинный гуманизм и революционную направленность, за совершенное мастерство и красоту идеалов в большом, настоящем искусстве.

Однако некоторые наши театры последние воспользовались своим правом формирования репертуара для пропаганды низкопробной буржуазной западной драмы. Не зная появились «завлекательные» заголовки заграничного «шипротреб», крикливо вещающие об убийствах, богатых наследствах, девичьих сыщиках, благородных адовах, злых дельцах и добрых маленьких буржуа. Они вахаются о неземности частной собственности и красоте скромной бур-

жуазной морали: небольшой особиль, небольшой капитал, удачное замужество, богатые родственники, выгодное место, смелое предпринимательство и т. д. и т. п. Кого же собираются воспитывать на образцах подобной драматургии? Борьба за коммунистическое общество, строителей нового мира?

Следует помнить упавание Владимира Ильича Ленина, который говорил, что вот и не может быть никакой третьей идеологии — либо буржуазная, либо пролетарская. И каждый раз, для только некоторые работники кино, советского театра, писатели в погоне за внешней развлекательностью, за эффектной ситуацией отступали от идеологии пролетарской, они попадали в сети идеологии буржуазной.

Пьеса английского драматурга Ф. Нотта «Телефонный звонок», переведенная Юрским и Медниковой, в октябре 1956 года, то есть еще почти в начале сезона, была поставлена в тринадцати театрах страны.

Малый театр поставил пьесу «Южной переполох» М. Соважонн (перевод В. Метальникова и Н. Рыковой). Театр, прославившийся высокой гражданственностью и мудрым постижением народной жизни, поставил драму, посвященную «земляного» капиталиста Вареско, все верства которого вычтены перед «великим» его дебилом — урождением капитала семьи. «Обличителем» Вареско выступает полицейский Лепран. Пыл его выважает личной обидой — много лет он любит дочь обуюного фабриканта, но старик всегда отвечал ему грубым отказом.

Указанными пьесами, к сожалению, не ограничивается список такого рода продукции. Вот перед вами пьесы, отредактированные

редакторами, пропущенные всеми инстанциями. Еще кое-кого, и они бы вышли в свет, их названия появились бы на афишах наших театров. «Когда просятся кометы» Д. Ньюсак (перевод И. Голован и Н. Яковлевой), «Золотой надилан» Т. Тейхман и Д. Кауфман (перевод Э. Александровой), «Мистер Пим прохдит мимо» А. Милл (перевод П. Мелковой), «Адвокаты» Э. Райс (перевод А. Горского и М. Левинной) и т. д. В основе почти всех этих пьес лежит старая традиционная сюжетная ситуация — смерть богача, крупное наследство, раскрытие характеров наследников. Не эта ли тема в раном ее звучании занимала Пушкина в «Скупом рыцаре», Мольера в «Скупом», Золя в «Наследниках Рабурдена», Вен Диониса в «Вольпоко», Шопера в «Короле Лире», Метерлинка в «Чуде святого Антония» и многих других крупнейших писателей человечества. Не как именительная она, эта тема, под пером создателей новых драматделов. Речь идет уже не о разоблачении, социальных пороков и лав, не о трагическом смысле и над бесстыжностью виноватными, и над их стертными детьми. В пьесах, о которых мы говорим, услужливо предложены театрам переводчиками, старая ситуация последовательно используется для пикантных расставов о прелюбодениях разных миллионеров с разными секретаршами, о внезапных смертях, о частых детективах, вбегавших с фотоаппаратом в спальня бедных обольстительных, об уродливых жемках, не отдающих богатствам наложницам своих мужей. Все продается и покупается и даже самые что ви на есть дополнительные га-

рои этих пьес, вроде продававший сингаретт Эл Гроланд из пьесы «Адвокаты», амяты решением все того же заколдованного круга вопроса: богатство, выгодное замужество, обеспечение. Но и в этих пьесах, где царят беспробудный нравственный мрак и уместное убожество, есть такие качества, на которые стоит обратить самое пристальное внимание.

В произведениях этих — и в «Телефонном звонке», и в «Ночном переполохе», и в «Золотом надилане», и в «Адвокатах», и во многих других переводных пьесах — есть крепкая, хорошо построенная интрига, живое напряженное действие, захватывающий сюжет. Пусть это всего нашего ловкая драматическая приемы. Но и они придают пьесам интерес, делают тем опасней включенную в них буржуазную идеологию. И не случайно поэтому некоторые наши театры, не разобравшись в идейной стороне этих произведений, обратились к подобным пьесам — им ведь хочется, чтобы в лице сидел зритель, а было бы лицемерно говорить, что зритель не пошел, например, на «Телефонный звонок». Но вряд ли именно зрители должны обвинять за его желание понимать театр не только как сумму правых идей, но и как яркое сценическое явление. Как остро, выразительно действе.

Совестно за то, что на нашу сцену проникают низкопробные пьесы, должно быть в первую очередь оветским драматургам, которые редко еще умеют соединить высокую идейность с увлекательной художественной формой, ко-

торые очень долго писали, а подчас пишут и сейчас, случно, расхватуто, яло, вно крепкого сюжета, вне яркой интриги. Считаю припадностью буржуазного искусства такие неотъемлемые особенности драмы, как важность, острота интриги, неожиданность сценических поворотов, интерес и тому, как сложатся дальше те или иные пути и судьбы, мы приподним буржуазное искусство на свои сцены, потому что без важности в искусство трудно и поспитывать, трудно и радовать зрителя. И разве не идут до сих пор по всем театрам страны пьесы по действию, уплоскательные по характерам произведения советских драматургов, и разве давно уже не забыты всеми, вплоть до самих авторов, многие правительные и возможные сучные наши пьесы, где отсутствовали и интрига, и действие, и драматическое напряжение — все то, что с точки зрения драматургов является только припадностью буржуазного искусства. Поэтому самые серьезные выводы должны сделать наши драматурги из того, что театры иногда предпочитают их очень выразительным сочинениям ловко скрепленные выальные подделки.

Серьезные выводы надо сделать и нашим театрам. Легче всего ставить все тот же «Опасный поворот» Пристли, но гораздо сложнее работать с драматургом, добиваться от него не только высокой идейности, но и яркой сценичности, радостью театральности. Без такой работы с драматургом, без борьбы театра за драматургию

больших мыслей и прекрасных театральных эффектов, актерам будет по-прежнему трудно, а зрителю — скучно.

Несомненно, больше и востанной радости и нравственной пользы принесет на сцену или востройте гостевый театр, приехавший из Москвы во с далеким, изысканным «Опасным поворотом», но с боевой, новой, современной пьесой, мастерство которой будет являться глубине ее содержания.

Серьезные выводы надо сделать и нашим переводчикам, для которых знание иностранных языков должно быть не просто академическим достоинством, но и делом большой политики, делом активной пропаганды того лучшего, что есть на Западе сегодня.

На случайю Пушкин перевел И. Минчевича и Гете, Островский — Сервантеса и Голдони, Жуковский — Гомера в т. д. А ведь, вероятно, и в их времена, времена Пушкина, Лермонтова, Тургенева жили на Западе маленькие по мыслям писатели, ловкие приспособленцы, трубадуры вышцы. Но не их безмозглые сочинения остались нам в наследство на русском языке. Об этой традиции тоже не следует забывать нашим переводчикам, иногда ставящим янторесы личного благополучия выше интересов искусства.

Советский театр и драматургия, достигшие интересных и ярких удач, несомненно справедливо оценят всю эту вредную драматическую продукцию, недостойную нашего замечательных деятелей театра, нашего времени и народа.

И. Вишневакая.